

ЮРИЙ КУКСОВ

Росстани

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Двенадцать месяцев»
Москва
2006

Библиотечка
«Литературной Губернии»

«Библиотечка «Литературной Губернии» возникла как приложение к альманаху «Литературная Губерния». Основана в 2004 году.

ББК-674
К-89

Очередная книга стихотворений московского поэта Юрия Куксова составлена в основном из стихов, опубликованных в разные годы в районных и областных газетах Советского Союза, по месту расположения экспедиционных партий, в которых автор работал в качестве инженера лесного хозяйства.

ISBN 5-89670-007-9

©Куксов Ю.В., 2006

®«Двенадцать месяцев». Регистрационный номер 015038, Комитет Российской Федерации по печати, 02.07.1996.

ВЕСНА НА СЕВЕР ПОЗВАЛА

* * *

Весна на север позвала,
И новый день мой
 добр и светел.
Всех прежних суматох зола
Отныне пущена на ветер.
Отныне не поддамся злу,
Как говорится, взятки гладки.
Я доверяю жизнь веслу,
Костру, двустволке и палатке.
По берегам угрюмый лес
Слагает вслух медвежью повесть...
Здесь должность не имеет вес,
Совсем другое дело – совесть.
Здесь честь и мужество в цене,
И места нет для лжи и лести.
С самим собой наедине,
Я, между тем, с природой вместе.
Здесь тихий мох и дикий злак.
Здесь нет понятия вещизма.
Здесь за спиною лишь рюкзак,
А в сердце – целая Отчизна.

* * *

Я бродил по лесам и болотам.
Был удачлив и скор на подъём.
Бор шумел, как большой околоток.
Был медведь околоточным в нём.
В настоявшихся запахах мёда
Плыл сквозь лес можжевеловый дым.
Первобытное чувство свободы
Было личным пристрастьем моим.
Я валил богатырские сосны,
Наклонялся в жару над ручьём.
И сияло весёлое солнце
Над моим задубевшим плечом.
Шапки сосен в закат уплывали.
Рдели ярые гроздья росы.
И цвели за болотами дали
Синим холодом близкой грозы.
Меркла алого солнца полтина,
Закатившись за бор калачом.
Вечно липла к лицу паутина,
И болталось ружьё за плечом.
Было солнца и ветра в избыток.
Сквозняки прошивали мой дом...
Жил, не ведая сложностей быта.
Это всё предстояло потом.

* * *

Кто мне скажет, в чём оно, везенье?
В том ли, что вещами полон дом?
Может быть, в подснежнике весеннем
И в июльском дождичке грибном?
В этой неоглядной вольной шири,
Расплескавшей солнце в синеве,
Где прекрасней всех жемчужин в мире
Россыпь рос на утренней траве?..
– Ну, а всё же, в чём твоё везенье? –
Спросят, хитро щурясь из-под век.
В том, скажу, что, с вашей точки зренья,
Был я невезучий человек.
В этой жизни, в общем-то не гладкой,
Мне, скажу, отлично повезло –
В том, что я делил судьбу с палаткой,
Пни ворочал и держал весло.
В том, что не замыслил святотатства,
Жил, как говорится, налегке,
Потому что всё моё богатство
Скромно помещалось в рюкзаке...

1985

ПРИРОДА

В природу ходим, словно в храм.
Душа неведеньем томится,
В ней и боязнь, и любопытство –
Всё, что успело позабыться,
И потому так сладко нам
В забытых чувствах повториться.
И, кто б ты ни был, прав в одном:
С природой никогда не поздно
Жить чуть ли не религиозно,
Внимая лесу за окном,
Сырой полянке сенокосной
И речке с иловатым дном.
Всё, что я знаю о себе, –
Что жизнь растрочу не в гульбе,
Что всей душой немногословной
Прирос я, как сучок сосновый,
К своей природе родословной,
К её возвышенной судьбе.
Я этим счастьем дорожу,
Тем, что без праздности и лести,
В её судьбу, как в красное сенье,
Тропой рассветной ухожу.

1972

Чтобы у мыса
В гудении троса
Ливнем умылся,
А ветром утёрся.

Чтоб у костра
Лечь на травы морозные,
Вслушаться в полночь,
Звнящую звёздами.

*пос. им. Желябова,
Устюженский район,
Вологодская область
1961*

ИЗЫСКАТЕЛИ

Очень строги и очень взыскательны,
И внимательны –

боже мой! –

Сочиняют стихи изыскатели,
Словно письма пишут домой.
Полночь вызвездив папиросками,
Сочиняют они стихи
Топором по замшелым просекам,
По заброшенным,

по глухим.

Сон их свалит на травы дремотные
У костра, у лесной реки.

Даже бороды их немодные
Романтичны,

как их стихи.

И обнявшись в ночи с повиликами,
Спят,

и лисами сквозь кусты

По ольшинам хвостатыми бликами
Подбираются к ним костры.

Над ромашками,

над опятами

И над всем, чем тайга жива,
Опадают в траву несмятую
Искры жаркие,

как слова.

1967

ЗА КОЛПЬЮ

(Из блокнота изыскателя)

Ушли в туман за Колпью
Еловые лога.
Былинных елей копя
Пронзают облака.
А путь – и дик, и топок –
Лежит в тайге, змеясь.
То путаница тропок,
То паутины вязь.
Ползёт тропа сторожко,
Двенадцать вёрст отмерь –
То сочная морошка,
То голубики хмель.
Посередине лета
Лежишь – ни жив, ни мёртв.
А холодок рассвета –
Как земляники мёд!
Земля в тумане вязком,
А там, где рассвело, –
То речки опояска,
То радуги крыло...

*Бабаевский лесхоз,
Вологодская область
1962*

ВЗДЫМЩИК

*В.И. Волкову, рабочему-лесохимику на
подсочке сосняков в Северо-Тумском
лесничестве Рязанской области*

Перекидываясь словом
С лесом – чуткая душа! –
Он живицу, мёд сосновый,
Собирает неспеша.
Смаху – глаз его намётан! –
Режет метки на стволах.
От усов и до подмёток
Духом сосенным пропах.
В сосняке медноголосом
Он порядком начудил:
Все стволы у чудо-сосен
Хитроумно расчертил.
Но рисунок тот, ей богу,
Хитроумный тот чертёж –
Хоть смотри с любого боку –
На каракули похож.
Шёл я мимо, не поверил,
Глянул: что за мишура? –
Может, это на деревьях
Рисовала детвора?
И по детскому рисунку,
По ложбинкам со ствола
Неспеша стекает в лунку
Мёд, янтарная смола.

1969

СМОЛОКУР

*А.М. Трейнису,
преподавателю лесохозяйственного
факультета Московского лесотехни-
ческого института, автору учебника
«Подсочка леса», поставившему мне
на экзамене оценку «отлично»*

Я просмолён. Кряжист, как свая.
Я смолокур. Я всё смогу!
Я пни смолистые взрываю,
Гоню душистую смолу.
Я до костей проканифолен,
Я столько дел перетерпел,
Что на работе поневоле,
Как пень еловый, задубел!
Во мне тайга гудит не даром –
Вы поработайте с моё!
Я продублён, проскипидарен,
От всех напастей просмолён.
Я по лесам зверьё шугаю,
В печах шурую от души...
В моих ногах, когда шагаю,
Гудят сосновые кряжи.

1961

* * *

Было переделано немало
Всяких дел –
 и малых, и больших.
Комарьё, бывало, донимало,
И усталость целилась под дых.
Обходились без речей бредовых,
Спиртом согревались в холода.
Жизнью битых, меченных, бедовых
Обходила за версту беда.
Труд ценили до седьмого пота.
Но повсюду,
 как там ни крути,
Всё же настоящая работа
Вечно оставалась впереди.

1969

ЛЕСНЫЕ МЕЛИОРАТОРЫ

Работникам Нелидовской лесной мелиоративно-дорожной станции (ЛМДС), осуществившим строительство гидромелиоративной сети на участке опытного осушения болот в Велесском лесничестве Западнодвинского района Тверской области в 1972-74 гг.

Отсыхают руки у ольшин,
Не к восходу тянутся –
к исходу.

Невесёлый стук сухих вершин
Слышится в любую непогоду.
Чёрная болотная вода
Целый лес под корень подкосила.
Птица в кроне не совьёт гнезда,
Если нет в корнях надёжной силы...
Растревожит сон гнилых болот
Гул машинный, тракторная тяга,
И ковшом трясину зачерпнёт
Старый экскаватор-работяга.
Хлябь да топь –

болотные места –
Лягут на спине солёным потом.
Искрами от нашего костра

Кажутся нам звёзды над болотом.
Петухи побудку пропоют,
Вспыхнет белым кружевом берёзка.
За беседой скрасит неуют
Верная подруга-папироска.
Жизнь,
 она и в малом, и в большом.
Неудачу шуткой отоваришь.
Черпай жизнь,
 как этот грунт,
 ковшом,
Экскаватор, старый наш товарищ!
Нам с тобой не дачу городить,
А деревья выводить на сушу,
Глухомань болотную будить,
Из трясин вытряхивая душу.
Чтоб всегда поэзией была
Всякая хорошая работа,
Чтоб она до сердца забрала,
А не только до седьмого пота.

БОЛОТА

(Из экспедиционного дневника)

Возьму в дорогу тёплых шанег.
Хозяйка молока нальёт...
На кочках пепельный лишайник
Лежит, как вечности налёт.
Люблю глубинный дух болота,
Где мох подёрнут красной ржой.
Лежит замшелая колода,
Как мост меж чёртом и душой.
Болота даже по названью
Таят губительный подвох:
Лесную топь зовут «Еланью»,
Другую кличут – «Гиблый Мох».
Их древний слог на слух несложный,
Но ты не слухом заручись,
Когда откроется за пожней
«Медвежья Гладь» иль «Волчья Чисть».
Топь – как пред вечностью расписка,
И ты, попавший к ним в кольцо...
Люблю, когда дыханье риска
Повеет сумраком в лицо.
И сквозь смородинный ольшаник
Пойду с надёжным батожком,
Взяв на дорогу сдобных шанег,
Чекушку с тёплым молоком...

Вологодская область

ЛЕСОРУБ

Как камчадал, ты молчалив,
но веско
Те руки, что молчат лишь до поры,
Легли на стол.
Сработанные дерзко
Черты лица суровы, но добры.

Мы на тебя взираем с интересом.
Как ты сигарку давишь каблуком.
Когда ты дома, в доме пахнет лесом,
Дымком костра,
Отцовским табаком.

1983

ПРОЕЗЖИЙ

Привязан к земле этой скудной,
К суровым подзолам лесным,
К болотам, как полночь, безлюдным,
И к людям, душою незлым.
Казалось, на этакой почве,
В бесплодной, как прах, стороне
И люди должны быть не то что
Скупы,

а считай, что вдвойне.

Так нет же. Приветят, как брата,
Лишь ты с ними не свысока.
Пусть речь их не витиевата,
А всё же «порато баска».
Картошки наварят, так с гору,
И, чашкой о блюде звеня,
Тебя приобщат к разговору,
И ты уж им будто родня.
И давнее что-то забрезжит
В душе, так что слёз не сдержать...
Как жаль, что ты только проезжай,
И завтра тебе уезжать.

*д. Мокшева,
Лешуконский район
Архангельской области*

ДОРОГА ПОДСКАЖЕТ СЮЖЕТ И ЭПИТЕТ

* * *

Я уехал, чтоб забыться,
Побродить на стороне.
Это лучше, чем напиться,
Душу выкупав в вине.
Может, выгляжу манерным,
Лозунг сей подняв на щит,
Для того, кто по фанерным
Крышкам
 фишками стучит.
Может, дело тут в стеченьи
Обстоятельств,
 но по мне
Любо это отречение,
Добровольное вполне.
У горюхи-вековухи
Мне б соломки под бока.
На обед – ломоть краюхи
Да полкринки молока.
После с дедом-рыболовом
У заплота посидеть,
Чтоб разжиться добрым словом
И душой не оскудеть...

1970

СВЕЧА

Сгорбленная ветхая старушка.
Прибранная горница чиста.
Жизни той всего лишь четвертушка
Остаётся, может быть, до ста.
Христианский образ всепрощенья,
Светится, как свечечка в окне,
И грибков – родне на угощенье –
Притомит на медленном огне.
И живёт, на людях не стареет.
Полдеревни – вся её родня! –
Отдохнёт и душу отогреет
У её нежаркого огня.

1973

ГОСТЬ

С Мезени дядька прилетел:
– Пошто, племянник, похудел? –
Ещё в дверях меня окинул.
На стол небрежно тыщи кинул
И, развалившись, в кресло сел.
И стал учить меня, как жить,
До той поры, как свет тушить.
А я-то знаю, в чём тут дело:
Ему болезнь печёнку съела,
Он – на леченье в Кисловодск,
И ни к чему весь этот лоск.
Он – с пересадкою в Москве –
Решил блеснуть собой в столице,
Но врач велел ему поститься,
И он – как рыба на песке.
Ему бы лучше рассказать,
Как ветер с речки пахнет сёмгой.
А он, увы, ко мне опять
С житейскою головоломкой.
Злюсь про себя: с какой беды
Господь философа подкинул?
Уже одиннадцатый минул,
А дядька жмёт на все лады –
Про то, где б выпить на двоих,
Про деньги на лесоповале...
А мне всё помнится: у них
Такие шанежки бывали!

* * *

...А между прочим, жизнь прекрасна!
И наше слово не мертво!
И восклицает друг: – Потрясно!
Что означает – «мирово!»
А ведь, как помнится, бывало,
Когда на понт нас «мусор» брал,
Он в мрачных городских подвалах
Смолил бычки и водку жрал.
Но вот однажды, вдрызг пропившись,
К нам увязался на пикник,
Где, по нужде уединившись,
Узрел под ёлкой боровик.
Разволновавшийся ужасно,
Обняв меня, сказал мой друг:
– Ты представляешь?! Жизнь прекрасна!
Ты только посмотри вокруг!!!
Нет, вовсе не в хмельном порыве
Он обниматься вдруг полез –
Мой друг как будто бы впервые
Увидел поле, речку, лес,
Боровики на боровинах
И капли солнца на весле...
Да, всё на свете поправимо,
И в нашей жизни, в том числе.
Он с той поры не пьёт,
что очень
Похвально, надо полагать...
Но почему-то, между прочим,
Меня он начал избегать.

МОЙ ДРУГ

Он в душу ворвётся, как ветер с лимана,
Он – родственник тем королям,
Чьи вотчины в синих завесах тумана,
В дождях журавлиных полян.
Душа, словно птица, живёт без прописки,
Подальше от скрипа дверей,
Он ходит, сбивая весёлые брызги
С вербейников и купырей.
Усталость закатом ложится на плечи.
Даст новые силы рассвет.
Сегодня он с нами, а завтра – далече,
Росой наполняется след.
Он знает, какая тропа не обманет,
Какая трава не горчит.
На малый прожиток в печальном кармане
Случайная мелочь бренчит.
Дорога подскажет сюжет и эпитет,
Ромашка – закладкой в блокнот...
Идёт по земле – муравья не обидит,
Берёзку зазря не сознёт.

* * *

Как ножи, обнажены
Ветры синие степные.
А лесные – в три струны,
Или –

как часы стенные.

Как запечные сверчки,
Узкогруды, узкоплечи,
Тонкие, как сквознячки,
Как копеечные свечи.
Если ты тайгой пропах,
Бродишь, думая о чём-то, –
Ветер, путаясь в ногах,
Вслед бежит,

как собачонка.

Если тени от костра
По ольшинам лепят пугал,
Ветер тоже до утра,
Как щенок, забился в угол.
Привалился на бочок...
Но откуда – неизвестно –
Вдруг, как Ойстрах, взял смычок,
Смело тронул струны леса.
И, откуда столько сил,
Встал и –

голосом басовым

Вдруг с сосной заговорил,
Так, что жарко стало совам...

Череповецкий лесхоз

1963

В ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ТАЙГЕ

Задувает в ущелье сквозняк
И какую-то ветвь задевает,
Так что слышен вокруг перезвяк,
Словно кто-то звонить затевает.
Или кто-то не может молчать
И поэтому ради потехи
Начинает по кедром стучать,
Так что кедром роняют орехи.
Или хариус бьётся в струе,
Белой молнией ходит на леске
И надежду, подобно струне,
Обрывает в стремительном всплеске.

*Северо-Байкальское нагорье
1970*

ВСЁ МЕНЬШЕ НА ЗЕМЛЕ ДУБРАВ

Когда пробьёт последний час,
С невозмутимым видом вроде
Дубы, как мамонты, от нас
В обнимку с вечностью уходят.
Всё меньше на земле дубрав,
Всё реже рати великанов.
Они в страну полночных трав
Уходят под плащом туманов.
Листва пожухлая у ног –
Как сгустки ржавого железа.
Уже совсем он одинок,
Дуб,

патриарх бывшего леса.

Но и поныне помнит он
И славу поля Куликова,
И посвист стрел,
И плеск знамён.
И древней летописи слово.
Зело история мудра,
Что и дубравам перепало –
Быть флотом у царя Петра,
А после...

лечь под рельсы шпалой.

А этих шпал не сосчитать! –
Валили скопом, а не порознь...
Там, где шумела прежде рать,
Теперь осиновая поросль.

* * *

Заручившись нормами и сметами,
Проявив хозяйственную прыть,
Станем рощу мерить кубометрами,
На балансы* лес переводить.
Вдоль дорог карьеры, словно кратеры,
Мёртвой устрашают пустотой.
На болота пустим экскаваторы,
Поведём сражение с красотой.
Кубометры, или просто – «кубики»...
Что мы можем знать о красоте?
Лес стоит суровый и некупленный,
Равнодушный к нашей суете.
Мы его корчем, осушаем,
Множество канав понавели,
И ещё себе воображаем –
Будто украшаем лик земли.
Красота, она иного рода,
В естестве природы и зари,
В благородстве дел, но что за мода
Делать из болота пустыри?!
«Черпай из природы полной чашей!»
Только как вести нам с ней расчёт,
Коль на бесхозяйственности нашей
Чаще лишь неверие растёт?

1971

*Балансы – круглые или колотые отрезки брёвен, предназначенные для производства целлюлозы.

РЕКА ЧАГОДОЩА

Не видно тропок рыбаков
Над речкой Чагодошею.
Здесь ни язей, ни судаков –
Лишь скука бродит ощупью.
О судаках мечтаю зря,
Язя на сказку выменял.
Поймать хотя бы пескаря,
Но речка словно вымерла.
Спешат к ней змейки-ручейки
Через лесок осиновый.
Но дух тяжёлый от реки,
Дегтярный, керосиновый.
Коровы бродят меж кустов,
Ленивые, как дачницы.
Река глазами омутов
Глядит на них страдальчески.
Рыбак сюда не забредёт
По травам тропкой узенькой...
Есть на реке стеклозавод
Масштаба всесоюзного.
Являют чудо красоты
Стеклянные изделия.
Взамен за чудо – у воды
Ни кустика, ни дерева.
Как нож природе под ребро –
Отходы в воду трубами...
Одной рукой творим добро,
Другой – его же губим мы.

1961

В СОЛОВЬИНОЙ МУЗЫКЕ РАССВЕТА

* * *

В соловьиной музыке рассвета
Нет и не бывало грустных нот.
По аккордам складывает лето
Музыку скворечен, гнёзд и сот.
В мире доверительно горластых
Птиц,
 где каждый сам себе солист,
На моё приветственное «Здравствуй!»
Отвечают Шуберт, Гайдн и Лист.
Взрывы удивительных аккордов
Сотрясают донник и тимьян,
И звучит восторженно и гордо
Гимн лугов, опушек и полян.
Слухом не обиженный особо,
Радуюсь мелодиям земли.
Прямо возле ног
 в ключе басовом,
Как валторны, трудятся шмели.
Я и сам сегодня озабочен
Иволговой музыкой дубрав,
Песнями ромашковых обочин,
Тактами кузнечиковых трав.
Сам не знаю, кто я, в самом деле,
Но, душой настроясь на мотив,
Нахожу в созвучиях свирели

Проливную дрожь озёрных ив.
Где-то там, на Ковже или Каме,
От избытка славы и любви,
Отдавая душу на закланье,
Щёлкают по сердцу соловьи.
Щёлкают!

Да так неосторожно,
Что любовь – отчаянно смела –
И меня в черёмуховой позне,
Как под нож,
под песню подвела!

1978

МАЭСТРО

Кузнечик, друг, наладь свой инструмент!
Играй свой туш!
Ты нынче, брат, в ударе!
Мне дорог музыкальный твой момент,
Стрекочущих прокосов Страдивари.
Презрев в душе бездарный треск стрекоз,
Греми во ржи, в бурьяне и в полыни,
Природный самоучка-виртуоз,
Июлем урождённый Паганини.
Подвязывай скорей свой модный бант,
На струнах дня пиликай увертюры.
Яви свой удивительный талант
Читать с листа зелёной партитуры.
Мне нынче твоя скрипка дорога,
И потому, настроившись на оды,
Я выхожу в заветные луга,
Как будто в филармонию Природы.
Мы оба хвастуны и чудаки,
Мы не забыли, кто мы и откуда.
Возьми меня к себе в ученики
И научи из песни делать чудо.
Привольем луга, клевером дыша,
Я нынче сам в плену своих мелодий.
На гамму чувств настроена душа,

Жаль только –
 слов для песни не находит...
А солнце набирает высоту,
И луг стрекочет, копнами украшен.
Я тоже песню, как венок, сплету
Из васильков, кувшинок и ромашек,
Чтоб в ней звенели чистые ключи,
Цвели луга и поле колосилось...
И ты, мой друг, кузнечик, стрекочи,
Чтоб песнь твоя до солнца доносилась!

*д. Сосвятское,
Тверская область*

* * *

Спелый август.
Яблочный канун.
С самого утра жара – как в печке.
Солнца огнедышащий кавун,
Выпав из небес, поплыл по речке.
А его поймала детвора.
То-то радость! – речку расплескали...
Август щедр.
И только вечера
Чуточку задумчивее стали.
Грусть при расставании не в счёт.
Доиграем старую пластинку...
Зной сквозь листья августа течёт,
А сквозняк колышет паутинку.

6 августа 1977 года

* * *

Уже по-осеннему вмятен
Синичий неслаженный свист.
В мозаике солнечных пятен
Мелькает желтеющий лист.

Душа в непрерывной заботе
О тех, кто остался вдали.
А утром на дальнем болоте
Накличут ей грусть журавли.

По клюкву пойдёшь, по бруснику
Снимать паутинки с ресниц,
Причастный к печальному крику
На юг отлетающих птиц.

Под серым взлохмаченным небом,
На голом распутии времён
Высокой печалью, как хлебом,
Был каждый из нас наделён.

В минуту осенней свободы
Под тот журавлиный мотив
Пройдут не мгновенья, а годы,
Покой и любовь возвратив.

И этой любовью измерив
Усталость оставшихся дней,
Признаемся с чувством потери,
Что воздух свободы грустней.

Нам многое в жизни простится
В минуты осенней тоски...
Печали нелётную птицу,
Отчаявшись, кормим с руки.

24 сентября 1977 года

В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

Грешно над чувствами глумиться
В глуши, где властвует сквозняк.
Внезапно вспугнутая птица
Встревожит чуткий березняк.
И листопад в расцветке лисьей
Невольно навевает грусть.
Как хорошо в опавших листьях
Найти сухой осенний груздь.
Как хорошо в осинник ветхий
Войти, почуяв сгоряча,
Как лес коснётся влажной веткой
Неосторожного плеча.

14 октября 1980 года

* * *

Уже озябшая листва
Легла ковром к подножью клёнов,
И мысль,
 печальна и остра,
Блуждает в рощах просветлённых.
Скрипучим голосом небес
Вещает ворон, божья птица,
В чьём облике осенний лес
Являет нам черты провидца.
Сижусь,
 струится от костра
Дымок, теряющийся в чаще.
Как сладок этот миг родства
С деревьями,
 с листвой шуршащей!
Как будто мучился виной,
И вдруг –
 на сердце стало легче:
Стоит осинка за спиной,
Кладёт ладошки мне на плечи.

29 сентября 1987 года

В ДЕКАБРЕ

Пожалейте маленьких зверят,
Приютите слабых в вашем доме –
Не сегодня-завтра зазвонят
Под ногами смёрзшиеся комья.
Будем же к природе так добры,
Что, на миг в доверчивость поверив,
Под восторг счастливой детворы
Распахнём гостеприимно двери.
Вот они, стучатся к нам в окно,
Глупые, доверчивые птицы.
Я у детства в дяденьках давно,
Лишь душа за всё живое в страхе.
Залетайте!
Окна отворю.
Я доверьем вашим заручился,
И за то судьбу благодарю,
Что ещё жалеть не разучился.

1979

ЗИМА

Из провинции дальней,
Заведя канитель,
Белой ниткой вязальной
Побежала метель.
А потом, успокоясь,
Сочинилась сама
В бесконечную повесть
Под названьем «Зима».
Лёд сверкал аметистом,
Хочешь – к шапке примерь!
И котёнком пушистым
Снег царапался в дверь.

ЧЕЧЁТКИ

Январь грозитя заморозить,
Звенит воинственно бронёй.
А тут – чечётки на берёзе
Смущают глупой болтовнёй.
Откуда только налетели,
Смутив берёзовые сны,
Как горсть рассыпчатой метели,
Как сноп щебечущей весны!
Мороз, играя в чёт и нечет,
Палит из пушки по реке.
А птицы, знай себе, щебечут
На непонятном языке.
Поди, пойми без перевода
Их восхитительный язык.
Простая музыка природы
Превыше чопорных музык!
И, право, легче жить на свете,
И было б вспоминать о ком,
Под эти птичьи «буки-веди»
В морозный полдень за окном.

СНЕГИРИ

Каймой узорчатой вдали
Морозный ельник вышит.
Снега крупчатые легли
На пустыри и крыши.
Снежок –
 что сахар на зубах –
В час утренней побудки
Хрустит.
И снегири в зобах
Запрятали по дудке.
Им целый день
Свистеть не лень
Под музыку позёмки.
И по душе в морозный день
Мне посвист их негромкий.

10 января 1984 года

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР В СОСВЯТСКОМ

Снегами синими окована,
Завечерела даль полей.
Окно звездой зацеловано,
Мороз отчаянней и злей.

Через снега тропинка узкая.
Поля морозные блестят.
И тишина такая хрусткая! –
Как будто яблоком хрустят.

Дорога санная, нетряская.
Тулупом пахнувший ночлег...
По вечерам на всё Сосвятское
Скрипит под валенками снег.

*Тверская область
22 декабря 1973 года*

* * *

В зимовальной яме стуж
Напрочь вымерзли морозы,
С крыши льёт куриный душ,
Дух весны вошёл в берёзы.

Лес сберёг тепло в горсти.
Бродит лось, от солнца шалый.
Через поле не пройти –
Ног не вытащишь, пожалуй.

В рыжей глине косогор –
Скоро травку приголубим.
Слышишь, как гудит простор? –
Ветер бьёт в него, как в бубен.

Роща – птичий балаган –
Гнёзда лепит сплошь и рядом.
К полю, к дальним берегам
Прикипаю долгим взглядом.

7 апреля 1985 года

И СЛАВА – СЛОВНО ПЫЛЬ ВДОГОН

* * *

Давно, во времена Союза,
Парнишку посетила Муза,
И он – секрета в этом нет –
Вмиг возомнил, что он – Поэт.
Теперь скажу вам без вранья,
Что это был, к несчастью, я.
И вот однажды по весне я
Стоял, застенчиво краснея, –
Как нынче, помню: вечер... зал...
Мэтр надо мною нависал,
Он назидательно сказал:
«Пишите проще и яснее,
Как Пушкин, в принципе, писал».
И я: – «Попробую!» – ответил,
И путь мой был к вершинам светел...
Но я на нём поставил крест:
Ведь Пушкин – это Эверест!!!
Что ж, удивляя рифмой броской,
Ты можешь поиграть в слова,
Как Вознесенский или Бродский,
А вот как Пушкин – чёрта с два!
И слава – словно пыль вдогон
По трассе взлётов и падений...
А кто-то мнит себя, что он
Вершину покоривший гений.

ПЕРВЫЙ

(Из неопубликованных стихов советского периода)

Не в том, что антиперестройщик,
Живёт и думает, как встарь,
Всё было бы намного проще,
Беда – что первый секретарь.
Что вслед за ним, как по ранжиру,
«Душою преданая» рать
С одной лишь мыслью: «быть бы живу»
Враз начинает подпевать.
В масштабах области, района,
Любого малого села
Вершатся, как во время *оно*,
Их «преподобные» дела,
Как демонстрация почёта,
Тут – совещанье, там – актив,
В речах, то бишь самоотчётах,
Преобладает позитив.
В делах завода и совхоза –
Куда ни кинешь взгляд – окрест
Торчит повсюду, как заноза,
Его руководящий перст.
Как скажет *он*, то так и будет,
Привыкший лишь повелевать.
А как живут в России люди –

Ему на это наплевать.
Умеет «уловить моменты»,
Где – пожурит, где – даст разгон.
Его подручные агенты
Летят с проверками в район.
Завидев их на «Волгах» чёрных,
Уставший слушать их враньё,
Мужик в сердцах помянет чёрта:
«У-у, чёрт, слетелось вороньё!»

НОМЕНКЛАТУРНЫЙ ЗАД

За развал снимали с должности,
Чтобы вновь произвести.
Он являл своё ничтожество
С десяти и до шести.
Кабинет, под дуб отделанный.
За спиной портрет – как нимб.
Он к тебе – с улыбкой деланной,
Если ты на равных с ним.
Папка, кресло с подлокотником
И приказ: не принимать!
С подчинённым – как с колодником:
«Ваше дело – исполнять!»
Положение престижное,
Соответственно – оклад.
Раньше
 коммунизм высиживал
Этот,
 с позволения,
 зад.
И теперь –
 как ржавь болотная –
В топь затягивает нас.
Ну когда же злость народная
Вытравит его как класс?!

ПУШКИН

Перовский вор по кличке «Пушкин»,
Романтик проходных дворов,
Он был ко мне великодушен,
Других держал за фраеров.
Он в кепке-лондонке форсистой
И с беломориной во рту
Похож был чем-то на артиста,
Горя презрением к менту.
Не то что мрачные ворюги –
Он воров был иной руки:
Кашне, наглаженные брюки,
Заправленные в сапоги.
Побрит и наодеколонен,
Неуловимый взломщик дач –
Конечно же, не вор в законе,
Но и не шушера-щипач.
Не то чтобы громила грозный,
Но, как профессор тёмных дел,
По фене бóтал виртуозно
И обучить меня хотел.
Картинно стряхивая пепел,
Картинно водку лил в бокал...
Я с ним ни разу в деле не был,
Точнее – хитро избегал.
И всей братве на удивленье,

Конечно, был необъясним
Тот факт, что литобъединенье
Мы оба посещали с ним.
Как будто за грехи в уплату,
Он столько перевёл чернил!
И как-то Александр Филатов*
Его за рифму похвалил.
Он был бы неплохим поэтом,
Что было видно по всему.
Кликуху классную за это
Братва приклеила ему...
Но вот однажды на вокзале
Он спёр у тётки чемодан.
Его, конечно, повязали
И упекли за Магадан.
Известно, лагерная проза –
Как смертный холод за спиной.
С диагнозом туберкулёза
Он слёг до срока в мрак земной.
Не стоит тешиться обманом.
Но я скажу, как обещал:
Что он не столь к чужим карманам,
Сколь к рифмам тягу ощущал.

*Александр Филатов – советский поэт, в начале 50-х годов руководил литературным объединением при редакции районной газеты «Перовский рабочий».

КОММЕНТАРИЙ К СТИХОТВОРЕНИЮ «ПУШКИН»

«ПУШКИН» – кличка конкретного лица, Вячеслава Фёдорова (по отцу – Кауфман). Отец был директором ликёро-водочного завода. Когда «Пушкина» взяли на воровстве и засадили в камеру, братва обобрала его до нитки, постоянно изгалялась над ним за его еврейское происхождение. Из тюрьмы он вышел с отбитым лёгким, и неизвестно – то ли это сокамерники переусердствовали, то ли это дело рук ментов.

ФРАЕР – человек, «красящийся» под вора, но не вор, и потому ворами презираемый. По другим понятиям – вообще любой человек, не занимающийся воровством.

ЛОНДОНКА – мягкое кепи-букле с небольшим козырьком. Фасон, особо почитаемый среди московской и подмосковной шпаны конца 40-х – начала 50-х годов.

БЕЛОМОРИНА – папироса сорта «Беломорканал», распространённая марка папирос, особенно в рабочей среде СССР.

ВОР В ЗАКОНЕ – высший ранг в воровской иерархии, авторитетный, опытный вор, с мнением которого в воровской среде нельзя было не считаться.

ШУШЕРА – мелкий вор, воришка, хулиган, насильник – каста, презираемая и преследуемая «настоящими» ворами.

ЩИПАЧ – карманный вор, якобы считается по воровской квалификации мастером высокого класса, виртуозом, пользующимся особой привилегией в воровском мире (однако больше на словах). В послевоенные годы в Москве развелось много карманных воришек из шпаны,

подорвавших престиж этой воровской квалификации. Потом, на зоне, из них делали просто «шестёрки». Шестерить – прислуживать вора, подхалимничать, доносить.

ФЕНЯ – воровской жаргон.

БОГАТЬ – говорить на воровском жаргоне.

БЫТЬ В ДЕЛЕ (пойти на дело) – пойти на преступление (кража, грабёж, убийство – отсюда: «мокрое дело»).

УПЕЧЬ ЗА МАГАДАН – посадить в тюрьму, в лагерь, но не обязательно на Колыму или под Магадан. Воров такого уровня, как «Пушкин», в те времена сажали обычно в «Таганку» («Таганка, полная огня, зачем сгубила ты меня?») – ходовая песня тех лет, которую пели на воровских «малинах»). Сейчас Таганской тюрьмы не существует, её снесли при реконструкции Ждановского района столицы. А жаль! – был бы хороший памятник сталинскому режиму.

Из личного опыта и наблюдений автора стихотворения, жившего в 50-х годах в Перовском районе (тогда ещё Московская область), одном из самых воровских районов наряду с Марьиной Рощей.

ДВА ИМЕНИ

Какое прекрасное имя –
Наташа!
Отец твой считает,
Нет имени краше.
И мать тебя кличет:
– Наташенька, дочка!..
Но дочке не нравятся имя.
И – точка.
Виновны родители в том
Неприменно,
Что дочку назвали
Несовременно.
Наташа –
Имя твоё законнее,
А ты назвалась патефонно –
Нонною.
Ребята
 в Перове
Тебе на платформе
Бросают циничное:
«Девочка в норме».
Ты ловко умеешь,
Когда это надо,
На слово ответить
Томительным взглядом,

И этой манере
Расхлябанной в тон
Партнёру бубнишь
Оловянно:

«Пардон»...

Семью, где проблемой
Твоё воспитание,
Ты в жизни считаешь
За испытание.
Неужто тебе, дорогая,
Не тошно,
Что ты для кого-то
Лишь «милая крошка»?
Смотрю –
Что ни вечер,
То новый знакомый
Тебя из кино
Провожает до дому.
И мне до обиды
Становится жалко
Не Нонну,
А ту, что назвали
Наталкой.

1959

ВАСИЛЬКИ

3. Кузиной

У каждой женщины в запасе
Набор ужимок и прикрас.
Лишь ты одна в их пёстрой массе
С незамутнённым светом глаз.

Не побоюсь сравнением старым
Принизить качество строки:
Пусть на лице твоём усталом
Глаза цветут, как васильки!

Не сомневаюсь, ты умеешь
Блеснуть и тактом, и умом.
Но не кому-нибудь, а мне лишь
Позволь сказать о голубом.

Как будто ты в часы рассвета
Окно забыла притворить.
Лишь позволительно поэту
С тобой так вольно говорить.

Вокруг и сплошь одни разини
Застыли, как горшки в окне,
От глаз, настоянных на сини
И на рассветной тишине.

Среди тупых и дюже ушлых,
Готовых вмазывать туза,
Вдруг понял я: о, как нам нужно
Иметь открытые глаза!

Когда ты вечером с работы
Домой усталая идёшь,
С глазами происходит что-то:
Так васильки скрывает рожь.

Не думай, будто с перепоя
Я набиваюсь в шутники.
Позволь пройти по кромке поля,
Влюбиться тайно в васильки.

ФЕИ ЖУРНАЛИСТИКИ

Лиле Альяновой

О, феи журналистики! Когда
Вы подымить сойдёте в коридоре –
Как в омуте, в бездонном вашем взоре
Мне чудится глубокая вода.
Я б утонул в озёрах ваших глаз!
(Хотя мой некролог здесь так некстати!)
Меня спасёт лишь то, что нынче вас
На всех, готовых утонуть, не хватит.
Откуда эта тяга к глубине?!
(А есть ещё душевные глубины)...
И профиль Нефертити дорог мне,
И этот выгиб шеи лебединый!
Порой в томленьи, словно в забыты,
Вы взглядом нас пронзаете волшебным.
А стиль, которым пишете статьи.
Зовётся не иначе, как душевным.
Душевный стиль! Проникновенье в суть! –
Не обессудь, что я сентиментальный, –
Но в этой жизни, чуточку банальной,
Моё признание значит что-нибудь.
Мне сердце обжигает образ ваш!
Очарованье – женское искусство!
Я вас не брал в любви на бордаж,

А чаще нажимал на ваши чувства.
«Я вас любил», – так Пушкин говорил.
И я скажу, но чуточку иначе:
Я вас ещё люблю, а это значит,
Что я ещё душою не остыл.
Когда редакционным коридором
Проходите вы, джинсами шурша,
Под вашим, так сказать, горящим взглядом
Моя воспламеняется душа.

ВСТУПЛЕНИЕ В ПОЭМУ

Дни отгремели громом вдалеке,
Отцвёл июльских трав душистый ситчик...
Я помню, как в те годы на реке
Трудился леспромхозовский буксирчик.
С плотов лещей удили рыбаки,
А ниже по течению, у завода,
Не та рыбалка и не та природа,
Поскольку пахло дёгтем от реки...
Жизнь наслоилась кольцами в сосне,
Всё к лучшему, пожалуй, изменилось:
Река природе отдана на милость,
И – факт отрадный! – шука на блесне.
Я здесь ищу приметы прошлых лет.
Вот – дом. Но нет хозяйки, бабы Нюры.
Да как же так?... Хотя б какой-то след! –
Стою, мусолю горестный окурочок.
Зайти спросить? Хозяев не видать.
Не дачники ли?..
Нынче стало в моде
Пусть временно – а всё же благодать! –
Пожить, как говорится, на природе.
Старушки умирают – вот беда!
Повыветрился в сёлах запах сена.
Зачем корова дачнику, когда
Есть молоко, почти что за бесценок.
Да, наша жизнь наладилась вполне.
Теперь недостаток виден в каждом доме...

Я помню, в этом доме на стене
Висели фотокарточки, и, кроме
Тех карточек военных, ничего...
Теперь коврами застилают стены,
Или висят на стенах супермены –
Кумиры поколения моего.
(А ты-то сам, спроси себя, каков?
Неужто и в твоей душе прижился
Рекламный дух наклеек, ярлыков,
Подобных тем нашлёпкам, что на джинсах?)
И что за интересы у ребят?
Кому-то разобраться в этом стоит:
Как шелухой от семечек сорят –
Так при девчатах нынче сквернословят.
И не могу я – что там ни скажи –
Отделаться от горького осадка,
Что эти все изъяны – от недостатка
При недостатке, в общем-то, души.
В квартирах – книги, пухлые тома:
Садись читай в уюте тихих кресел.
Тогда откуда дефицит ума
При очевидном, так сказать, прогрессе?
...Отвлёкся я. А мысль меня вела
В избу, в которой двадцать лет я не был...
Да, здесь не изменилось только небо.
И что с того, что чья-то жизнь прошла.

*пос. Чагода,
Вологодская область
1980-е годы*

ОБ АВТОРЕ

Первая специальность Юрия Куксова – лесничий, вторая – журналист, и обе удачно сочетаются в форме литературного творчества. Юрий Куксов – член Союза писателей России, лауреат премии «Золотое перо Москвы». По своей первой специальности объехал многие области бывшего Советского Союза в составе экспедиций, обследуя заболоченные леса Севера и Сибири, Мещёры и Заветлужья с целью повышения их биологической продуктивности путём лесосушительной мелиорации.

Вторая специальность дала возможность оформлять впечатления от поездок в газетных и журнальных очерках и статьях, в том числе и в стихах. Он – автор четырёх стихотворных книг: «Андромеда» (1996), «День из-под ладони» (2004), «Лесом – полем» (2004), «В синих рощах» (2005), подготовил к печати книгу прозы.

Юрий Куксов длительное время руководил литературным объединением в районной газете Подмосковья, сейчас пропагандирует в областной печати творчество подмосковных поэтов и прозаиков, тесно сотрудничает с газетами «Губерния», «Народная газета», «Крестьянская Россия».

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕСНА НА СЕВЕР ПОЗВАЛА	3
«Весна на север позвала...»	3
«Я бродил по лесам и болотам...»	4
«Кто мне скажет, в чём оно, везенье...»	5
Природа.....	6
На лесосплаве.....	7
Изыскатели	9
За Колпью	10
Вздымщик.....	11
Смолокур	12
«Было переделано немало...»	13
Лесные мелиораторы	14
Болота.....	16
Лесоруб	17
Проезжий*	18
ДОРОГА ПОДСКАЖЕТ СЮЖЕТ И ЭПИТЕТ	19
«Я уехал, чтоб забыться...»	19
Свеча	20
Гость.....	21
«...А между прочим, жизнь прекрасна!..»	22
Мой друг	23
«Как ножи, обнажены...»	24
В забайкальской тайге	25
Всё меньше на земле дубрав.....	26
«Заручившись нормами и сметами...»	27
Река Чагодыща.....	28
В СОЛОВЬИНОЙ МУЗЫКЕ РАССВЕТА	29
«В соловьиной музыке рассвета...»	29
Маэстро.....	31
«Спелый август...»*	33

«Уже по-осеннему вятен...»*	34
В осеннем лесу	36
«Уже озябшая листва...»*	37
В декабре	38
Зима	39
Чечётки	40
Снегири	41
Зимний вечер в Сосвятском	42
«В зимовальной яме стуж...»*	43
«Ещё не время течь ручьям...»	44
И СЛАВА – СЛОВНО ПЫЛЬ ВДОГОН	45
«Давно, во времена Союза...»	45
Первый	46
Номенклатурный зад	48
Пушкин	49
Комментарии к стихотворению «Пушкин»	51
Два имени	53
Васильки	55
Феи журналистики	57
Вступление в поэму	59

*Звёздочкой отмечены стихотворения из прежних книг, публикуемые в новой редакции.

Редактор-составитель В.В.Крамаренко
Контрольный редактор Ю.В.Сосвятский
Книга отпечатана с готового оригинал-макета
При оформлении книги использован рисунок
художника Д.Б.Шимилиса

Юрий Васильевич Куксов.
Росстани: стихотворения.

Сдано в набор 14.01.2006
Подписано в печать 27.01.2006
Формат 60х90 1/16
Печать офсетная
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «Петраруш»